

Наливайко, Б. Загадка календаря штурмана / Б. Наливайко // Солдатскому долгу остались верны : Рассказы о судьбах, доблести и подвигах павших в боях земляков / Составитель Б. М. Наливайко. — Мн. : Харвест, 2004. — С. 262—273.

ЗАГАДКА КАЛЕНДАРЯ ШТУРМАНА

Бомба авиационная... В ней, в ее железной утробе, таится поистине дьявольская сила. Шутки с ней плохи, потому как слишком уж норов у нее крутой. Чуть что не так, и она в мгновение ока способна испепелить тело и душу человека. От того-то этот угрюмый с виду фугас с тротиловой начинкой, разными детонаторами-взрывателями и требует бережного, можно сказать, деликатного с ним обращения.

Все это было известно и щуплому, русоволосому механику, которому командир эскадрильи приказал вместе с другими авиаторами выгрузить из фюзеляжа винтокрылой машины Ми-6 взрывоопасные боеприпасы. День был знойный и душный. Изнывая от непривычной афганской жары, солдат на какую-то секунду расслабился. Опуская тяжелую бомбу, он не удержал свой край.

И кто знает, как бы «отозвался» на эту оплошность механика фугас, если бы грохнулся он на камни.

Плотный, атлетического сложения штурман отряда капитан Млявый в тот момент находился рядом, среагировал на ошибку авиатора мгновенно. Он удержал бомбу один. Однако обойтись без травмы ему не удалось. Ребристый стабилизатор повредил локоть.

Полковой врач осмотрел руку, наложил повязку. Выдал он и соответствующую справку, порекомендовал штурману:

– С полетами, Степан Петрович, придется повременить.

– Я и одной рукой маршрут на карте проложить смогу. И с курса в небе не собьюсь! Ни в какой обстановке.

– Верю. Но я свое дело сделал. Слово за командиром.

Узнав об этом ЧП, комэск капитан Хайдаров заметно огорчился. Из-за этой травмы штурмана Степана Млявого плановую таблицу предстояло перекроить. Начальник штаба с этим делом, разумеется, справится. Утешало командира эскадрильи и то, что ничего более серьезного не случилось. Его, это «более серьезное», штурман предотвратил. И притом самоотверженно. Очень уж завидная у него реакция.

– Так и быть, отдохни немного, Степан Петрович.

– Особой усталости не испытываю.

– Ты за эти три месяца в Афгане налетал более чем достаточно. На счету у тебя, если память не изменяет, сто семнадцать боевых вылетов. В сто восемнадцатый пойдешь, когда рука восстановится ...

Убеждать командира в том, что он, штурман первого класса, готов летать в любое время дня и ночи, когда потребуются, не было смысла. Волевой и твердый по натуре Хайдаров от принятых решений обычно не отступал. Не в его это правилах.

И Степан Млявый, проводив, взглядом экипажи Ми-6 в полет по дальнему маршруту, отправился в модуль. От несносной духоты не было особого спасения и в нем. Но от солнцепека это дощатое укрытие было вполне подходящее.

Здесь, в своем жилище – маленькой комнатке – Степан Петрович был предоставлен сам себе. В часы передышек он мог заняться чем угодно: почитать, скажем, интересную книгу, написать домой очередное письмецо или же просто полежать на койке, помечтать.

Травма локтя особых страданий не доставляла. Ну, разве если что-то ненароком заденешь. Сидя за маленьким столиком, штурман видел перед собой, на оклеенной нехитрыми обоями стене, фотографию Галины и маленького Андрюши. Жена и сын будто смотрели на него, спрашивали: «Ну, как там ты, дорогой наш человек? Все ли у тебя нормально? Мы ждем твоих писем с нетерпением. А более всего – твоего возвращения домой. Ты очень и очень нам нужен. И все наши мысли только о тебе».

Эти слова, конечно же, пришли не сами по себе. Они навеяны теми письмами, которые Галина ему присылала.

А приходили эти послания регулярно. Он читал их и перечитывал.

Добрые вести в них о делах семейных, житейских настраивали на приятную волну, на раздумья о будущем. Не вечно же придется ему воевать. С той поры, как Степан и Галина создали свою семью, прошло не так уж много времени. И очень счастливы они теперь тем, что у них растет такой смысленный наследник...

В комнате штурмана Млявого рядом с фотографией жены и сына был календарь на весь 1985 год. Степан Петрович искусно исполнил его собственноручно цветными штурманскими карандашами. Ничего особенного, на первый взгляд, в нем не было. Но это не так. И мы еще вернемся к этому календарю позднее, к концу нашего повествования...

На чужой земле капитану Млявому особенно часто вспоминались Чашники, город, что издревле приютился в удивительном озерном крае с его чарующими душу полями и лесными угожьями Витебщины. Этот тихий город особенно дорог его сердцу. Там он родился, оттуда уходил в самостоятельную жизнь, в армию. Там живут его родители – Ольга Петровна и Петр Андреевич. И ее, Галю, свою единственную любовь, он тоже встретил в своем городе.

Впрочем, ни о какой любви тогда, в те теперь уже отдаленные годы, не было еще и речи. И это естественно: впервые они встретились в тот самый год, когда направились... «первый раз в первый класс». И учиться им в одной Чашникской средней школе № 2 довелось целых десять лет. Безмятежные это были годы. Они увлекались спортом, особенно любили баскетбол. Вероятно, в те годы и вспыхнули в их юных душах чувства взаимной симпатии. Он все более обращал взор свой на привлекательную Галю Вишневскую – такой была ее девичья фамилия. И ей нравился уравновешенный, полный кипучей энергии паренек. Какая-то неведомая сила влекла их друг к другу. Для одноклассников это не оставалось незамеченным. Сами же Галя и Степа в своих чувствах не объяснялись: ни к чему были здесь какие-то слова.

Лишь после окончания школы, на выпускном балу, они смущенно обменялись пока еще смутными, без какой-либо определенной ясности словами. И все-таки, судя по тому разговору, что у них состоялся, они далеко не прочь были бы учиться вместе, видеться и впредь.

– Давай в Минский политехнический институт подадимся, а? – предложил он Гале.

– А если по конкурсу не пройдем?– заколебалась она.

– Попытка – не пытка. Едем!

И они уехали в столицу республики. Экзамены сдали. В тот год, однако, наплыв абитуриентов был так велик, что счастливыми оказались лишь те, кто набрал самые высокие баллы. Пришлось возвращаться в Чашники, к родному очагу.

– В следующем году все равно поступлю! – заявила Галя.

– А я где-то пока поработаю. Потом видно будет, что и как, – изложил Степан свои планы.

В тот год как раз шло строительство Лукомльской ГРЭС. Туда-то пылливый парень и отправился. Трудился там недолго. Сверстники все чаще говорили о предстоящей армейской службе. Не исключено, что именно эти беседы и натолкнули его на мысль направить свои стопы в Витебск, в ДОСААФ. Там-то к лету 1968 года Степан Млявый и сделал свой окончательный выбор. У него пробудилось желание летать. Привлекло Челябинское высшее военное авиационное училище.

Перед дальней дорогой Степан прибыл домой. Встретился с Галей, сказал ей не без гордости:

– Вертолетчиком буду. Штурманом!

– Ну, а мои планы не изменились: в тот же институт еду. Уверена, на этот раз поступлю.

В тот дивный вечер их беседа затянулась до полуночи. Никак не хотелось им расставаться. Договорились о переписке...

Годы напряженной учебы в военном училище пролетели быстро. В новенькой форме авиатора лейтенант Млявый выглядел попросту неотразимым. Прибыл в отчий дом. Родные и близкие радовались за него искренне. Больше всех, конечно же, радовалась его приезду Галя. В письмах за эти годы они договорились в общем-то обо всем. Соединили свою судьбу, и молодая семья направилась к первому месту службы Степана. Прибыли на аэродром у города Броды, что неподалеку от Львова. Там, летая на Ми-6, выпускник училища и совершенствовал свою боевую штурманскую выучку.

Шел год 1973-й. Служба молодого офицера на одном месте обычно надолго не задерживалась. Степан Млявый в этом плане не стал исключением: его направили в Группу советских войск в Германии. Там в одном из военных гарнизонов и продолжал летать на такой же винтокрылой машине. На всех учениях, в полетах днем и ночью, в сложных условиях погоды и оттачивал он боевое мастерство до высших пределов.

Такие полеты в небе Германии отбирали немало энергии. Степан Петрович мечтал о возвращении в Белоруссию, о полетах над родными просторами. Особенно, когда в семье у него появился малыш Андрюша. Пусть бы он рос на земле своих предков.

По воле армейской судьбы, однако, старшего лейтенанта Млявого направили в Забайкалье, в Нерчинск, тот самый город, где в далеком 1825 году и позднее отбывали наказание декабристы – участники дворянского освободительного восстания.

Гарнизон выглядел каким-то сумрачным, непривлекательным. Зимой досаждали холодные ветры с их снежными вихрями. Неуютным оказалось и жилье. Однако учеба вертолетчиков полка и в тех условиях шла полным ходом. Оттачивая мастерство, они летали над таежными дебрями и сопками в любое время года.

Устроиться на работу в гарнизоне многим женам офицеров не удавалось, но Галина, имея диплом инженера-теплотехника, всегда находила себе работу. Работала теплотехником КЭЧ, начальником домоуправления и начальником службы КЭС батальона обеспечения полка. Работа

отнимала много времени и сил, но внимание и забота о семье, воспитании сына была главной задачей жены военного летчика.

Что же касалось летчиков, штурманов и техников, то и они тоже, вероятно, как и декабристы, думали о скорейшем возвращении в более цивилизованный мир, на землю с привычным климатом.

И такой день для семьи капитана Млявого настал. Получив предписание, он вместе с женой и сыном с превеликим удовлетворением отправился в Ленинградский военный округ. Прибыл в поселок Прибылово, что в 30 километрах от Выборга. За эти годы супруги намыкались вдоволь, сменили около полутора десятков квартир.

Не без осложнений с жильем обошлось и в новом гарнизоне. Семья ютилась в тесной однокомнатной квартире. А летчику и штурману, если у них дети, по всем законам полагалось удобное жилье из двух комнат. Не могли они, не отдохнув, уходить в небо.

А полеты у берегов Финского залива и Ладожского озера оказались не менее интенсивными, чем в предыдущих местах. Трижды экипаж вертолета попал в чрезвычайно сложную ситуацию, трижды совершал вынужденную посадку. Каждая из них была связана с риском для жизни.

Об этом Степан Петрович не говорил Галине никогда. Он попросту щадил ее нервы. А она, бывало, проснется далеко за полночь, прислушается к отдаленному рокоту мотора и лопастей и опять засыпала безмятежным сном. Коль гудели моторы, думалось ей, значит на аэродроме полный порядок. Степан вернется домой к утру, отдохнет и – снова в небо, каким бы оно не было – чистым или затянутым хмарью.

Между тем год 1984-й был на исходе.

Из страны южного соседа, где уже столько лет полыхала затяжная война, пришла скорбная весть: погибли три экипажа Ми-6 в полном составе из той эскадрильи, которая давно уже летала в чужом небе.

Поступил приказ срочно восполнить эти потери, направить в Афганистан три новых экипажа. Это не могло не взволновать летчиков и их семьи. Кого же отправят в тот «горячий регион»?

Теряться в догадках долго не пришлось. Предложение убыть в Афганистан получил и штурман первого класса Степан Млявый. У него была возможность отказаться. Но воспользоваться ею он и не думал. Его решение было взвешенным и твердым.

– Я коммунист, парторг эскадрильи. Это мой долг. Если не я, то кто? Если откажусь, что подумают обо мне ребята и как я буду смотреть им в глаза? – сказал он своим родным.

10 декабря 1984 года капитан Млявый был уже в Кундузе. Летая на военно-транспортном Ми-6 в основном в экипаже командира эскадрильи капитана Хайдарова, он выполнял самые разные задания: доставлял в гарнизоны наши войска – чаще всего в те, которые примыкали к границе с Пакистаном – оружие и боеприпасы, топливо и продукты питания, высаживал в нужных районах десантников, порой даже прикрывал их с неба, используя бортовое оружие.

В самом начале нового, 1985 года Степан Петрович разложил на столе большой лист ватмана и с помощью цветных карандашей изготовил календарь. На весь год. С числами в клеточках и названием дней недели. В левом верхнем углу листа написал «Кундуз» – основной

гарнизон дислокации, в правом верхнем – «Прибылово». Там его ожидали Галина и Андрюша. Туда он прежде всего вернется, когда истечет срок службы на афганской земле.

Клеточки в своем календаре штурман отряда заполнял своеобразно, так чтобы лишь ему было понятно, что это означало. А штриховал он каждую клеточку минувшего дня, опять-таки используя те же цветные карандаши: синий, красный, зеленый... изредка черный. Но что это означало, для чего делалось, капитан не объяснял никому. Не исключено, что этот календарь с пестрыми квадратиками был для него дневником. Глядя на них, он, вероятно, видел, какие, когда и как выполнялись боевые задания в небе, что происходило в эскадрилье, а может быть, и в своей службе.

Клеточки в календаре Степана Петровича были заполнены вплоть до 13 марта. Далее они остались чистыми. Их предстояло заштриховать разноцветьем карандашей, в соответствии с теми событиями, которые ждали экипажи, самого штурмана.

Именно в тот день, 13 марта, когда солнце уже склонилось к горизонту, в модуль капитана Млявого пришел офицер из штаба, спросил:

- Как самочувствие, Степан Петрович?
- Нормальное. Повязку снял. Готов летать!

Так я за тем и пришел. Ваш командир в отлете. Пойдете в экипаже заместителя командира полка подполковника Николая Лапшина. Всем известно: летчик он что надо!

- Когда вылет?– спросил Млявый.
- В пять часов.

Это означало, что на предполетную подготовку штурман должен прибыть значительно раньше.

Было еще темно, когда Млявый пришел на командный пункт. Уточнив задание, он выполнил нужные расчеты, проложил на карте маршрут. Суть задания была обыденная: экипажам трех винтокрылых машин в срочном порядке предстояло доставить боеприпасы в горное ущелье, где гремел ожесточенный бой с бандой «духов» и наемников. Ведущий тройки Ми-6 – Николай Лапшин.

Близилось установленное время взлета. Предельно загруженные машины, хлопая широкими лопастями, начали выруливать на старт. Солнечные лучи озарили землю, аэродромные постройки у взлетно-посадочной полосы. Начался очередной день войны.

В этот момент в бездонье бирюзового неба неожиданно появился истребитель Су-27. Он быстро снизился, пронесся на малой высоте над аэродромным полем, снова устремился ввысь. Руководитель полетов тотчас же связался с этим «лихачом».

- В чем дело?!
- Никому не взлетать! – последовал торопливый ответ на ломаном русском языке.

Не отвечая на вопросы руководителя полетов, летчик-истребитель начал новый заход на аэродром. Создалось впечатление, что у него вышла из строя радиосвязь. Это особенно взбудоражило тех, кто находился на КП. Истребитель был советский, с алыми звездами на фюзеляже и плоскостях. Но что с ним случилось? Неисправность на борту? Из-за этого, похоже, он и собирался совершить вынужденную посадку. Однако почему летчик избрал именно этот непригодный для посадки истребителей аэродром? Других поблизости не было, что ли?!

Догадка пришла в тот самый момент, когда истребитель был уже на глиссаде планирования: в кабине этого самолета находился чужой пилот. И нацелился он на склад боеприпасов с ракетами и бомбами. Похоже, смертник из-за кордона собирался протаранить один из наиболее важных на афганской земле арсеналов.

Ни малейших сомнений в этом уже не оставалось. Если истребитель врежется в склад, от ужасающих взрывов погибнут не одни авиаторы с их военно-транспортной техникой, но и мирные жители тех кишлаков, что раскинулись неподалеку.

Все это подполковнику Лапшину стало понятно из тревожных переговоров на командном пункте и очевидных действий пилота-чужака. Единственно верное решение он принял в ту самую секунду, когда истребитель коснулся колесами шасси земли и понесся напрямик к складу.

Ми-6 тотчас же встал у него на пути.

Дверца кабины штурмана Степана Млявого была открыта. Он мог покинуть вертолет в любое мгновение. Но команды командира на это не было.

В следующую секунду истребитель на ураганной скорости врезался в борт винтокрылой машины.

Взрыв громыхнул потрясающий. Чудовищной силы взрывная волна разбросала обломки истребителя и Ми-6 по всему аэродрому. И все было кончено. Лишь над полем долго еще колыхался траурный шлейф дыма.

В буйном пламени того взрыва погибли все, кто находился на борту вертолета. Это были подполковник Николай Лапшин, капитан Степан Млявый, майор Милентьев, лейтенанты Тимофеев и Егоров, прапорщик Кочетов. Кто-то из них входил в состав экипажа, кто-то собирался лететь в район боевых действий...

Клеточка за 14 марта 1985 года в календаре Степана Петровича осталась чистой. Этот календарь вместе с личными вещами штурмана был доставлен в Прибылово и передан семье.

И достойный наследник боевого офицера Андрей Млявый, перечитывая отцовские письма из Афганистана, подолгу рассматривает и его календарь в поисках разгадки заштрихованных квадратиков. А штрихи эти куда сложнее самого мудреного кроссворда. В одном у Андрея не осталось пока сомнений: квадратик за 14 марта отец, если бы это было возможным, наверняка заштриховал бы черным цветом.

Тем не менее, будучи юристом, следователем с аналитическим складом ума, Андрей Степанович сопоставляет отдельные данные с рассказами однополчан и тремя десятками посланий отца, и завеса над тайной штурманского календаря мало-помалу приоткрывается.

За боевые подвиги в чужом небе отважный военный летчик штурман первого класса гвардии капитан Степан Млявый удостоен ордена Красной Звезды и афганского ордена «Красного Знамени». А похоронен он со всеми воинскими почестями на Северном кладбище, что неподалеку от столицы республики.

Борис НАЛИВАЙКО

Капитан Степан Млявый

Галина Николаевна и Степан Петрович в час прогулки. 1975 г.

Иногда на местах гибели однополчан авиаторы устанавливали лопасти винтокрылых машин. А эта лопасть после взрыва Ми-6 в Кундузе сама вонзилась в землю. Кто-то из летчиков заснял ее в день гибели экипажа, и теперь эта фотография как символ памяти хранится в семейном альбоме.

Андрей Млявый за разгадкой тайны отцовского календаря